

Несостоявшийся переезд Н. В. Тимофеева-Ресовского в США

Н. В. Тимофеев-Ресовский — один из наиболее интересных и "загадочных" биологов XX века, чья жизнь и судьба вызывали и вызывают горячие споры и самый широкий разброс мнений — от неприятия, граничащего с патологической ненавистью, до столь же иступленного поклонения.

В жизни Тимофеева-Ресовского, как и в жизни почти каждого ученого, было несколько переломных моментов, кардинально изменявших его дальнейшую судьбу, и один из них приходится на середину 30-х годов, когда он находился на "развилке дорог" и мог в буквальном смысле слова двинуться в противоположных направлениях: либо на восток, либо на запад.

В статье Р. Л. Берг о Тимофееве-Ресовском утверждает, что в 1929 и 1937 г. Н. В. Тимофеев-Ресовский намеревался вернуться в СССР, "и только настойчивость друзей удержала его от этого рокового по тем временам шага". Причем в 1937 г. предостережения Н. И. Вавилова были переданы ему при посредничестве Дж. Меллера (1). Но ни в многостраничной, касающейся многих социально-политических аспектов, биографии Меллера, ни в доступной части его переписки с коллегами встреча с Тимофеевым-Ресовским никак не упоминается (2). Некоторые косвенные данные свидетельствуют скорее о том, что всерьез Тимофеев-Ресовский эту возможность не рассматривал. А вот к предложению переехать в США он отнесся как к предложению для него реальному и приемлемому.

Предложение

О возможной вакансии в одном из американских институтов Тимофеева-Ресовского известил М. Демерец в письме от 30 января 1936 г., запрашивая его принципиальное согласие на переезд в США (3). Тимофеев-Ресовский дал такое согласие в первом же ответном письме от 1 февраля 1936 г., правда, с оговорками, вызван-

ными предупреждением Демереца о тех условиях, которые ждут его в США, и о тех действиях, которые ему следует предпринять в Германии.

Прежде всего Демерец поставил Тимофеева в известность о том, что ни одна из американских генетических лабораторий не может предоставить Тимофееву все те возможности для научной работы (в особенности по техническому оснащению исследований), которые он имеет в Германии, что, однако, могло быть компенсировано широкими персональными научными контактами. В то же время, предвидя согласие Тимофеева-Ресовского, Демерец фактически рекомендовал ему первым делом получить визу на въезд в США в американском консульстве в Берлине.

Тимофеев-Ресовский готов был рассмотреть соответствующее предложение в случае предоставления должных научных и финансовых условий для своей работы. Компенсация недостатка технической оснащенности устраивала его, так как большее значение он предавал возможности непосредственного общения с исследователями, интересующимися теми же или сходными научными проблемами.

Приглашение Демереца было, разумеется, не случайным. Демерец близко познакомился с Тимофеевым-Ресовским во время двух своих поездок в Берлин (4). Тимофеев-Ресовский и его работа произвели на Демереца большое впечатление, о чем он сообщал в специальном меморандуме, обосновывающем необходимость приглашения Тимофеева-Ресовского в США в 1932 г. Официальное приглашение Тимофееву-Ресовскому приехать в США на 2-3 месяца для проведения исследований в Институте Карнеги в Колд Спринг Харбор (Carnegie Institution in Cold Spring Harbor on Long Island), посланное в начале 1932 г. президентом института, Дж. Мерриамом (John S. Merriam), было инициировано Демерецем. В меморандуме Демерец подчеркивал, что Тимофеев-Ресовский полон не только оригинальных идей, но и может экспериментально их проверить. Кроме того, приезд Тимофеева-Ресовского, по мнению Демереца, оказал бы благоприятный эффект на научные исследования по генетике в институте, способствовал успеху 6-го Международного генетического конгресса, — в случае выступления на нем Тимофеева-Ресовского с докладом (5), — и развитию генетики в целом. Стремясь

организовать поездку Тимофеева-Ресовского в Америку наилучшим образом, Демерец в письме от 30 января 1932 г. специально запрашивал Тимофеева-Ресовского относительно планов проведения экспериментов на *Drosophila melanogaster* во время пребывания в США и использования им собственных линий дрозофилы. Тогда-то, в 1932 г. и были заложены основы для будущего приглашения 1936 г. (6).

В конце февраля 1936 г., то есть практически сразу после получения принципиального согласия от Тимофеева-Ресовского, ему в срочном порядке было сделано очень выгодное предложение. В телеграмме, посланной от имени Демерца 21-го числа, сообщалось, что он может занять вакансию в Институте Карнеги и проводить вместе с Демерцем исследования гена, имея 3500 долларов жалования первый год и 4000 — второй. Кроме того Тимофееву-Ресовскому одновременно предоставлялось 500 долларов на переезд в США вместе с женой. В случае положительного ответа, о котором Демерец просил сообщить также по телеграфу, утверждение Тимофеева-Ресовского должно было состояться на Исполнительном комитете института уже 13 марта. В письме от 24 февраля 1936 г. Демерец выражал уверенность, что вопрос о назначении Тимофеева-Ресовского безусловно будет решен положительно, а также надежду, что условия, о которых сообщалось в телеграмме, устраивают Тимофеева-Ресовского. Демерец добавлял некоторые подробности, касающиеся организации будущей работы, указывая, в частности, на то, что Тимофееву-Ресовскому предоставляют специального ассистента. В заключении он выражал крайнюю обеспокоенность тем, как скоро сможет прибыть Тимофеев-Ресовский, и подчеркивал, что был бы рад видеть своего коллегу до конца марта. Демерец обещал, что с решением бытовых и прочих проблем сложностей не будет.

Нужен был еще год?

Тимофеев-Ресовский сначала ничего не ответил, что вызвало еще одно письмо Демерца от 18 марта 1936 г. Демерец писал, что хотя от Тимофеева-Ресовского не требуется немедленный ответ, было бы все же лучше известить, имеются ли какие-либо основания для ответа утвердительного, или отрицательного. Лишь спустя ме-

сяц после февральской телеграммы Демереца Тимофеев-Ресовский попросил отсрочки с принятием окончательного решения в пространным письме от 24 марта 1936 г. (7).

Задержка Тимофеева-Ресовского с ответом ставила Демереца в двусмысленное положение, о чем он вынужден был написать 18 марта. Не получив его ответного письма, он даже послал 30 марта 1936 г. телеграмму с оплаченным телеграфным ответом, в которой сообщалось, что вакансия для Тимофеева-Ресовского все еще свободна, но ответить надо срочно. Последующая переписка выявила два кардинальных обстоятельства: Демерец не мог долее оттягивать решение по имеющейся вакансии, а Тимофеев-Ресовский был не в состоянии дать ожидаемый от него ответ, хотя, по его же собственному заявлению в письме от 17 июня 1936 г., собирался почти наверное принять предложение Демереца.

В письме от 2 апреля 1936 г. Демерец специально разъяснил, в каком положении оказался вместе с Тимофеевым-Ресовским. Согласно Демерецу, имелось несколько молодых кандидатов на все еще свободную вакансию, и вряд ли Институт Карнеги будет ждать целый год. Позиция самого Демереца состояла в следующем. Если Тимофеев-Ресовский действительно хочет работать в США, то другого и лучшего шанса у него просто не будет. Если же нет, то это уже совсем другая ситуация, незнакомая Демерецу. Отложить решение на год невозможно, в лучшем случае можно отложить решение до осени, но и такая задержка будет выглядеть весьма странной в Институте Карнеги. Соответствующий ответ Тимофеева-Ресовского Демерец ожидал до 18 апреля, при необходимости его можно было послать телеграммой.

Невозможность отсрочки на год Демерец подтвердил в письме от 3 апреля 1936 г. после своей беседы с президентом Института Карнеги, Мерриамом. Поскольку заседание исполнительного комитета было намечено на 24 апреля, ответ Тимофеева-Ресовского должен был быть получен не позднее 23-го. Отсутствие ответа расценивалось как ответ отрицательный. Демерец подчеркивал, что может показаться, что Тимофеева-Ресовского вынуждают принять решение, но это не так, и он сделает все, что может для его блага. В письме от 22 апреля он добавлял, что откладывать нельзя, так как бюджет института на следующий год должен быть составлен

до сентября. Свой окончательный ответ Тимофеев-Ресовский должен был дать телеграммой до 15 августа 1936 г., о чем Демерец извещил его заранее, 27 июля.

Тем не менее Тимофеев-Ресовский настаивал на своем, заявив, что у него просто нет никакой реальной возможности выехать из Германии ранее апреля 1937 г., а самая ранняя возможная дата — январь 1937 г. Он утверждал, что ситуация прояснится в ближайшее время, и он сможет дать ответ, скорее всего положительный. Так, в письме от 11 мая 1936 г. Тимофеев-Ресовский заверял Демереца, что вопрос решится в течении следующих двух месяцев, в июне или июле, и что он делает для этого все возможное. Одновременно он не раз выражал надежду, что Демерец сможет отложить окончательное решение вопроса на год, а пока найти какой-либо временный выход, отодвинуть решение вопроса как можно дальше.

Однако Демерец не мог делать это бесконечно долго. Помимо формальной причины — принятия в сентябре бюджета института на следующий год, — была и причина содержательная. На случай отказа Тимофеева-Ресовского, институт должен был иметь возможность получить на имеющуюся вакансию генетика того же класса, что, понятно, было не просто. В этом отношении временной фактор также имел большое значение, ставил определенные ограничения. В частности, в письме от 11 мая 1936 г. Демерец известил Тимофеева-Ресовского, что одно время Ф. Г. Добржанский рассматривался в качестве кандидата на занятие предлагаемой Тимофееву-Ресовскому вакансии, но предложение ему не было сделано, в частности из опасения тем самым обидеть Т. Х. Моргана. (8) Однако Добржанский только что сообщил о получении приглашения из другого места. (9) Поэтому, в случае решения Тимофеева-Ресовского остаться в Германии, свободная вакансия могла бы быть предложена Добржанскому. Поскольку Добржанский должен был дать ответ в течении месяца, Демерец хотел получить в свою очередь ответ Тимофеева-Ресовского до истечения срока, установленного Добржанскому, чтобы, как откровенно писал Демерец, не потерять шанс приобрести столь же подходящего исследователя. Спустя несколько дней, 19 мая 1936 г. Демерец повторил, что у Добржанского есть возможность сменить место исследований, и это позволяет предложить ему занять вакансию, имеющуюся в институте: Добржанский был

бы лучшим кандидатом, если Тимофеев-Ресовский остается в Германии.

Правда, вскоре ситуация изменилась, но не стала менее острой. В письме от 2 июня 1936 г. Демерец, сообщив Тимофееву-Ресовскому, что Добржанский должен был быстро принять решение и кандидатура его отпала, подчеркнул, что у него почти нет сомнений в том, что если бы Добржанскому вовремя было послано конкретное предложение, он дал бы свое согласие перебраться в Колд Спринг Харбор (10). И далее Демерец слегка упрекнул Тимофеева-Ресовского в том, что из-за отсутствия его ответа Институт дважды потерял шанс заполучить первоклассного генетика. В связи с этим он предупреждал, что было бы нежелательно затягивать далее решение вопроса: если вновь возникнет подобная ситуация до того как Тимофеев-Ресовский будет готов дать ответ, то Институт сделает предложение другому.

При всем том Демерец по-прежнему рассчитывал на положительный ответ и старался сохранить вакансию за Тимофеевым-Ресовским, так как был убежден, что только Америка или Россия могут дать ему все возможности для дальнейшего развития как ученого.

Доводы

Прося отсрочки, Тимофеев-Ресовский писал, что существует целый ряд проблем, которые невозможно разрешить за несколько недель после 11 лет работы в институте. Перечисляя их в письме от 24 марта 1936 г., в первую очередь он упомянул проблему контракта с институтом. Не нарушая контракта, Тимофеев-Ресовский мог прекратить работу в институте только в апреле 1937 г., в крайнем случае не ранее 1 января 1937 г. По Тимофееву-Ресовскому окончание контракта могло означать для него и окончание его исследований, так как весной 1937 г. в институте ожидалась реорганизация, в результате которой генетические исследования Тимофеева-Ресовского могли потерять поддержку. Тогда он был бы рад работе в Колд Спринг Харборе (11).

В письме от 11 апреля 1936 г. Тимофеев-Ресовский назвал другие проблемы, мешавшие ему дать положительный ответ. Он признавался, что один раз в жизни уже поменял среду обитания (имея

в виду свой переезд в Германию) и поменять ее второй раз ему сложно. По Тимофееву-Ресовскому, его положение как в финансовом отношении, так и в отношении предоставляемого для исследований оборудования очень хорошее, и летом должен решиться вопрос, сохранится ли такое положение в будущем. Более или менее он был уверен и в том, что если оно сохранится, то он никогда не станет безработным, и вообще ничего плохого с ним случиться не может. Подобных гарантий для себя в США Тимофеев-Ресовский не видел. Ему было неясно, окажется ли он в США в роли начинающего молодого исследователя, или примерно в том же положении, какое он имел в Германии (12).

Еще одной проблемой для Тимофеева-Ресовского было его происхождение: он слышал, что Америка шовинистская страна, а он родился русским, и никогда не станет немцем, американцем, французом или кем-либо еще. Поэтому он всегда будет чужеземцем на любой земле кроме русской, где не может жить в настоящее время (так что в СССР Тимофеев-Ресовский вряд ли собирался).

Кроме того, у него есть русский ассистент, Царапкин, который имеет работу пока Тимофеев-Ресовский в Германии, и он должен позаботиться о его будущем на случай переезда в Америку или куда-либо еще. Ссылку на необходимость позаботиться о сотрудниках Тимофеев-Ресовский повторил в письме от 17 июня 1936 г. : он обязан устроить людей, а не сбежать.

На эти соображения Тимофеева-Ресовского Демерец, соглашаясь с их важностью, возразил вопросами. Уверен ли Тимофеев-Ресовский, что его теперешнее положение останется таким же в будущем? Многие люди в других странах, где их положение было гораздо более стабильным, потеряли его всего за одну ночь. Никто не в состоянии предсказать, что произойдет в случае резкого изменения политической ситуации или войны. Поэтому стабильность может быть только относительной. Абсолютных гарантий не существует ни в Америке, ни в Европе. Предлагаемая Тимофееву-Ресовскому вакансия в этом смысле столь же постоянна и гарантирована как любая другая. Но Демерец не знает ни одного случая, когда кто-либо в Институте Карнеги потерял свой пост.

В письме от 11 мая 1936 г. Тимофеев-Ресовский со своей стороны пояснил, что он понимает под гарантированностью, или, точнее,

что он имеет. Должности, занимаемой не по контракту, можно лишиться в течении месяца; должность, занимаемая по контракту, практически абсолютно гарантирована на время контракта, за исключением крайних случаев, вроде войны или коммунистической революции. Для Тимофеева-Ресовского оставалось не ясным, что же ожидает его в США, прежде всего какова формальная, юридическая сторона сохранения за ним предлагаемой вакансии. Его интересовали все детали возможного будущего устройства: где жить, сколько стоит жилье, сколько стоит школа, будет ли у него технический ассистент, в том числе для печатанья на машинке и т. п.

В свою очередь Демерец в письме от 2 июня 1936 г. писал, что не уверен также, что, оставшись в Германии, Тимофеев-Ресовский в ближайшем будущем не будет вынужден сменить радикально направление своих исследований. В тоже время вакансия в институте Карнеги лучшая из всех, какие только можно надеяться получить в Америке (13).

Некоторые последствия

Отвлекаясь от объективных обстоятельств, при которых решение принималось Тимофеевым-Ресовским (необходимость позаботиться о сотрудниках и т. п.), многие из которых остаются неизвестными, приходится признать, что оно вызвало недоумение не только у современных обвинителей Тимофеева-Ресовского, но и у тогдашних его демократических американских коллег. Хотя "нерешительность" Тимофеева-Ресовского была встречена за океаном с определенным пониманием, по крайней мере со стороны Демерца (14), она не могла не показаться, по крайней мере в какой-то степени, странной—происходящее в Германии давно было в центре внимания. Затянувшееся молчание Тимофеева-Ресовского весной 1936 г. настолько обеспокоило Демерца (он опасался даже, не случилось ли что-нибудь с Тимофеевым-Ресовским), а ситуация выглядела из Штатов настолько тревожной, что была послана специальная телеграмма в Парижский офис фонда Рокфеллера с запросом о его судьбе.

Создавшееся положение Демерец обсуждал с некоторыми другими американскими генетиками, в частности с Л. Даном, и все были удивлены тем, что Тимофеев-Ресовский колеблется. В пись-

ме от 9 мая 1936 г. Демерец подчеркивал, что вся ответственность лежит только на самом Тимофееве-Ресовском. Позднее Демерец обсуждал этот вопрос с Добржанским. В результате Добржанский написал специальное письмо Тимофееву-Ресовскому, объясняющее его точку зрения (15).

За время, прошедшее с начала переписки, позиция Тимофеева-Ресовского, по утверждению Демерца (16), ухудшилась. В начале переписки она была очень сильной. Но затем, для людей, которые должны были принимать окончательное решение, стало очевидно, что для Тимофеева-Ресовского предложенная вакансия имеет лишь второстепенное, или даже третьестепенное значение, и он ценит ее столь мало, что даже идет на риск оказаться без вакансии вовсе. В результате энтузиазм, с которым первоначально принималась идея пригласить Тимофеева-Ресовского, заметно уменьшился. Более того, Демерцу предложили внести в нее изменения, и хотя ему удалось сохранять вакансию для Тимофеева-Ресовского необычно долгое время, его, Демерца, возможности тоже подходят к концу. В том числе потому, что 28 июня приедет на лето Добржанский, которого попросили порекомендовать, кого из молодых генетиков можно было бы пригласить в Колд Спринг Харбор.

Последствия этого непонимания (и, отчасти, осуждения) сказались десять лет спустя, когда в 1946 г. Демерец попытался организовать какую-либо акцию в защиту Тимофеева-Ресовского, после того, как стало известно, что он арестован. Все усилия Демерца (17), в том числе попытки получить содействие Американско-советского научного общества (American-Soviet Science Society or ASSS), оказались безуспешными.

В письме Демерцу от 2 сентября 1946 г. Л. Дан писал, что даже если его, Дана вновь изберут председателем исполнительного комитета ASSS, он не уверен, что исполнительный комитет поддержит идею помощи Тимофееву-Ресовскому. Проблема была в том, что Тимофеев-Ресовский решил остаться в Германии, и, что ни говори, а являлся наемным работником нацистского государства. Возражение, что он—ученый, не политик и в его исследования нацистское (или советское) государство могло и не вмешиваться, исходит из понятия идеального, а не действительного мира, в котором и ученые и наука связаны с государствами. Осознавал Тимофеев-Ресовский

или нет, но он сделал политический выбор, когда решил остаться в Германии. К тому же вмешательство извне, особенно британское или американское, вряд ли приведет к чему либо хорошему, если учесть убежденность советских политиков в то, с какой целью был составлен британо-американский блок.

В тоже время несостоявшийся переезд Тимофеева-Ресовского в США нисколько не помешал присуждению ему Кимберовской премии (18). Наряду с другими эпизодами из жизни ученого он служит "закваской" для дискуссий, которые вряд ли когда-нибудь получат свое окончательное завершение (19). Что же касается истории науки, истории взаимоотношений ученого и общества, в том числе истории его взаимоотношений с международным научным сообществом, то данный эпизод показывает, подключение каких "тонких" мировоззренческо-психологических механизмов подчас определяет общую итоговую направляющую той или иной научной дисциплины. Хотя история, как говорится и пишется, не терпит сослагательного наклонения, небезынтересно представить, какой была бы история американской генетики, и какой стала бы история советской биологии, если бы переезд Тимофеева-Ресовского в США все же произошел.

Примечания

1. См. Берг Р. Л. Охранная грамота для Зубра // Человек. 1990. № 2. С. 123.
2. См. Carlson E. A. *Genes, Radiation and Society: The Life and Work of H. J. Muller*. N.-Y., 1981. В нескольких письмах Дж. Меллера, посланных Н. И. Вавилову из-за границы, в частности в письме от 31 октября 1937 г. из Парижа, Н. В. Тимофеев-Ресовский не упоминается вовсе. См. ЦГАНТД СПб. Ф. 318. Оп. 1-1. Д. 1436. Л. 105-106. В примечаниях к статье Р. Л. Берг, написанных В. В. Бабковым, указывается, что сведения о посредничестве Дж. Меллера документированы "Жоресом Медведевым, сотрудником Тимофеева-Ресовского по Институту медицинской радиологии в Обнинске с 1964 по 1970 год", то есть со слов самого Тимофеева-Ресовского.
3. См. переписку Н. В. Тимофеева-Ресовского с М. Демерецем, выделенную в самостоятельную единицу хранения в Библиотеке Американского философского общества: Timofeef-Ressovsky, N. W. B:D 394 M. Demerec Papers. APSL. Переписку составляют автографы писем Н. В. Тимофее-

ва-Ресовского к М. Демерецу и копии писем М. Демереца к Н. В. Тимофееву-Ресовскому (и те, и другие в виде машинописных текстов). Сравнительно небольшая по объему, переписка представляет особый интерес в связи с неутраченными спорами о жизни и научной деятельности Н. В. Тимофеева-Ресовского. Краткая характеристика переписки дана в: Конашев М. Б. Переписка Н. В. Тимофеева-Ресовского с М. Демерецем // Наука и техника: Вопросы истории и теории. СПб., 1997. Вып. 18. С. 66-67. Подробнее о документах отечественных биологов, хранящихся в Рукописном отделе Библиотеки Американского философского общества, см.: Конашев М. Б. Документы русских биологов в библиотеке Американского философского общества // Отечественные архивы. 1996. № 3. С. 41-43.

4. О М. Демереце см.: Wallace V. Milislav Demerec // Genetics. 1971. V. 67. P. 1-3. Краткая биографическая справка о нем дана также в: M. Demerec // Glass B. A guide to the genetics collections of the American Philosophical Society. Philadelphia, 1988. P. 25-30.
5. В трудах 6-го Международного генетического конгресса опубликованы две работы Тимофеева-Ресовского: Timofeev-Ressovsky N. W. Mutations of the gene in different directions // Proc. 6th Intern. Cong. Genet. Ithaca, 1932. V. 1. P. 307-330; Timofeev-Ressovsky N. W. The genogeographical work with *Epilachna chrysomelina* // Proc. 6th Intern. Cong. Genet. Ithaca, 1932. V. 2. P. 230-232. Намечалось выступление Тимофеева-Ресовского и на евгеническом конгрессе, но по его просьбе оно было перенесено в Колд Спринг Харбор. См.: Timofeev-Ressovsky N. V. B:D 27. C. B. Davenport Papers.
6. У Тимофеева-Ресовского остались самые лучшие впечатления от этой поездки в США. См.: Timofeev-Ressovsky N. W. B:B 585. A. F. Blakeslee Papers.
7. Просьбу об отсрочке Тимофеев-Ресовский повторял практически в каждом последующем письме. Например, в письме от 17 июня 1936 г. Тимофеев-Ресовский, ссылаясь на то, что окончательный ответ сможет дать только в августе, просил Демереца, если только это возможно, отложить решение по вакансии еще раз на два месяца. В этом же письме Тимофеев-Ресовский делал оговорку, что если даже в последний момент вопрос решится негативно (а он надеется, что этого не произойдет), они, Тимофеевы-Ресовские, никогда не забудут того, что Демерец сделал для них.
8. Успешная "адаптация" Добржанского к США во многом состоялась благодаря Т. Х. Моргану, что было хорошо известно и о чем Добржанский

говорил с глубокой признательностью, в частности в своих устных воспоминаниях. См. : Dobzhansky Th. Oral History Memoir. Columbia University, Oral History Research Office. N.-Y., 1962. О роли лаборатории Моргана и самого Моргана в научной биографии Добржанского см. раздел "The Early Years in Morgan's Group: 1927-1931" (Р. 13-21) в: Provine W. B. Origins of THE GENETICS OF NATURAL POPULATIONS Series // Dobzhansky's Genetics of Natural Population. I-XLIII / Ed. R. C. Lewontin, J. A. Moore, W. B. Provine, and B. Wallace. N.-Y., 1981. P. 1-83 и раздел "В лаборатории Моргана" (С. 82-83) в: Галл Я. М., Конашев М. Б. Классик // Природа. 1990. № 3. С. 79-87. См. также: Land B. Evolution of a Scientist. The Two Worlds of Theodosius Dobzhansky. N.-Y., 1973. P. 144-159, 173-179, 185-188.

9. Добржанский получил приглашение Дж. Паттерсона (J. T. Patterson) занять вакантную должность полного профессора (full professorship) в Университете Техаса, освободившуюся после того, как Д. Меллер решил продолжить работу в СССР. После колебаний и переговоров Добржанский остался с Морганом в Калифорнийском Технологическом институте, получив должность профессора. См. подробнее: Provine W. B. Origins of THE GENETICS OF NATURAL POPULATIONS Series // Dobzhansky's Genetics of Natural Population. I-XLIII / Ed. R. C. Lewontin, J.A.Moore, W. B. Provine, and B. Wallace. N.-Y., 1981. P. 45-46. Переписку Добржанского с Демерецем в связи с возможным приглашением Добржанскому занять вакансию в случае отказа Тимофеева-Ресовского см. Demerec M. B:D65 Dobzhansky Papers. APSL. В частности, в письме от 3 июня 1936 Демерец просил совета Добржанского по кандидатуре Д. Паульсона (D. F. Poulson), в том числе просил Добржанского поговорить с А. Стертевантом и узнать его мнение о Паульсоне.
10. Во всяком случае вероятность такого решения Добржанского была весьма высока. Колд Спринг Харбор несомненно со многих точек зрения был привлекателен для Добржанского и он не раз проводил часть лета там. О поездках и работе Добржанского в Колд Спринг Харбор см. дневник Добржанского: Dobzhansky's Notebooks. APSL.
11. Д. Пол и К. Кримбас дают иную, отличную от объяснения Тимофеева-Ресовского, интерпретацию: перед предстоящей реорганизацией Тимофеев-Ресовский использовал приглашение Демереца для того, чтобы добиться лучших для себя условий. См. Paul D. B. and Krimbas C. B. Nikolai V. Timofeeff-Ressovsky // Scientific American. V. 266. N 2. 1992. P. 90.
12. Копию этого письма и своего ответа в преддверии заседания исполнительного комитета института 24 апреля в Нью-Йорке Демерец по совету

- А. Блэксли отправил 22 апреля 1936 г. президенту института Мерриаму.
13. В письме от 23 июня 1936 г. Демерец признал, что впервые узнал некоторые детали положения Тимофеева-Ресовского. Более 20 лет, с 1925 г. по 1946 г. Тимофеев-Ресовский проработал научным сотрудником, руководителем отдела генетики при Институте исследований мозга в Берлин-Бухе. См.: Тимофеев-Ресовский Н. В. Краткие автобиографические записки // Тимофеев-Ресовский Н. В. Избранные труды. М., 1996. С. 10.
 14. См. письмо Демереца от 2 апреля 1936 г.
 15. См. письмо Демереца от 3 июля 1936 г.; в архиве Добржанского копии его письма Тимофееву-Ресовскому не сохранилось.
 16. Согласно письму Демереца от 23 июня 1936 г.
 17. Следует отметить, что Демерец был не одинок. Добржанский был первым, кто послал письмо жене Тимофеева-Ресовского, Елене Александровне, с запросом о его судьбе и предложением помочь, на которое она с благодарностью ответила письмом от 8. 3. 1946, сообщив, что верит в то, что муж жив и даже работает, но где он—не знает. Макс Дельбрюк, содействуя усилиям Демереца, предпринимал шаги и от своего имени. Так, 4 сентября 1946 г. он послал телеграмму д-ру Стюарту Маду в Москву на адрес В. В. Парина следующего содержания: "Мы слышали, что Тимофеев-Ресовский арестован и должен быть осужден за невозвращение в Россию в 1937 году. Я сотрудничал с ним в 1937 году и могу заверить, что он не был нацистом. Многие ученые здесь очень озабочены его судьбой. Будем благодарны за вашу помощь в этом деле. Он рассматривается как ведущая фигура в исследовании эволюции".
 18. См. Конашев М. Б. Несостоявшаяся поездка Н. В. Тимофеева-Ресовского в США // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Годичная научная конференция. 1996. / Ред. В. М. Орел. М., 1997. С. 94-95.
 19. См. напр.: Берг Р. Л. Охранная грамота для Зубра // Человек. 1990. № 2. С. 123, 133; Paul D. B. and Krimbas C. B. Nikolai V. Timofeeff-Ressovsky // Scientific American. 1992. V. 266. N 2. P. 86-92.; Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. М., 1993. Краткий обзор дискуссий см. : Левина Е. С. Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... Биология в СССР: история и историография. М., 1995. С. 22-25, 28-29.